

Влад Наум

*Доколе
декольте*

Влад Наум

Доколе декольте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711080

ISBN 9785005081674

Аннотация

Это третий сборник моих стихов. Убеждён, вас заинтересуют первые два – «Сборник грехов» и «Паноптикум». По образованию я скульптор. Это обстоятельство передалось моему стиховоззрению – во мне больше «композитора», чем «филолога». Моё творчество, как я его вижу, сочетает в себе непривычный ракурс зрения на вещи и их природу, буквализирование этих вещей через инородную органику, призванное усилить атмосферу восприятия и эмоций от прочтения. Я противник академизма и надуманности в искусстве.

Содержание

Доколе декольте	6
Сонный читатель	7
Утренний квест	8
Закон исключений	9
Обочина	11
Ге	12
Поздняя любовь	13
Небо – из генералов	14
Мемуар – на диктофон	15
Баскетболист	16
Глупость и расчёт	17
Как-то так	18
Гватемальский умник	19
Моторика пальцев	20
Инстинкт лужи	21
Истошно к истокам	22
Добрый	24
Объятия	25
Отсебятинка	26
Плечо весны	27
Квак	28
Абы да кабы	29
Белый обертон	30

Древо жизни	31
Весна эскизно лепит	32
Инвентаризация	33
Акакий	35
Мэйд ин раша	36
Отбивание от рук	37
Безжалостные пчёлы	38
Голубые глазки	39
Закрытая дверь. из 90-х	40
Коматозник	41
Бинокль	42
Макулатура	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Доколе декольте

Влад Наум

© Влад Наум, 2019

ISBN 978-5-0050-8167-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Доколе декольте

Доколе декольте твоё
Мне будет действовать на нервы?
Ведь зарекался я давно
Быть у таких, как ты, не первым.
И кланчить будет «тет-а-тет»
Твоё доколе декольте?

Сонный читатель

Сон мне приснился однажды, будто
В нём признаётся читатель мой:
«Всё, что вы пишете, очень круто!
Всё, что не пишете – на убой!»

Тут я опешил как сонный житель,
Напрочь забывший, что я земной.
«Всё, что не пишете, напишите!» —
«В сердце стучался» читатель мой.

Вот и «пляшу» я с тех пор «под дудку»
Мнимых читателей, что – из сна.
Может, не мнимые тоже чутко
Воспринимают меня – как знать.

Утренний квест

Рифма дрожит от мороза.
Мысли играют в квест.
Утро маджентой «становится в позу»
И набирает вес.

В зеркало смотрится косо —
Слабых достаточно мест.
Сколько имеет смотрящая особь
Сильных сторон – невесть.

Это стихи, а не проза,
Сорри – отчаянный жест!
Но если «комар не подточит» в них «носа» —
Здорово же!

Закон исключений

Куплет:

По дороге с работы домой
Иногда сочиняются песни.
Если путь мой лежит по кривой,
Результат предстоит интересней.
Для успеха резонно потеть
В каждой стадии песни начала.
Потому мне кривые путей
Как-то ближе, чтоб песня звучала.

Припев:

Не каждой, из песен, в конце
Хороший финал уготован;
Но маленький всё же процент
Без правила, пусть золотого,
Звучать обещает «на бис».
И как бы пути ты не правил,
Закон исключений из правил
Ждёт выход свой из-за кулис.

Куплет:

По дороге с работы домой
Песня к сердцу дорогу находит —
По прямой, если путь мой кривой;
По кривой – не извилистым, вроде.
Но каким бы путём я не шёл,
Никуда от константы не деться:
«Песня будет звучать хорошо,
Сочиняясь от чистого сердца».

Припев:

Не каждой, из песен, в конце
Хороший финал уготован;
Но маленький всё же процент
Без правила, пусть золотого,
Звучать обещает «на бис».
И как бы пути ты не правил,
Закон исключений из правил
Ждёт выход свой из-за кулис.

Обочина

В дизайнах машин зашифрованы звери:
Хищники, жертвы, пернатые, рыбы.
В силу хвостов два последние верят,
Жребий сомнительный первым двум выпал.

Жертвам живётся от случая к случаю,
Как от зарплаты к зарплате, и – прочее.
Хищников совесть с кошмарами мучают.
Но не завиднее жизнь на обочине —
Жертвы и хищники, благо что, чинятся,
Раны с аварий глубокие штопая;
А на обочине с места не сдвинутся,
Как на плющихе известных три тополя.

В байке, от нечего делать сварганенной,
Можно посыл подмечать обнаружить.
Жизнь, зачастую, наглядней сценариев —
В ней недосказанность лезет наружу.

Ге

Расквитавшись с делами,
Ты подседа ко мне.
Над моими губами
Расплескалось каре.
Вечер, весь в полусвете,
Постепенно возник
И собою наметил
Откровения двоих.
Вариации цвета
Утопали в былом,
Потому как предметы
Поглощал монохром.
Вниз одежда скользнула
Безучастно, как тень.
До того, как уснули,
Ты лечила мигрень...

Мельтешат пред глазами
Цвета вишни каре
И в шафрановой раме
Репродукция Ге.

Поздняя любовь

В его активе – где-то дети.
Он «разрывается на части».
И в голове уже не «ветер
Гуляет», а мигрень – к ненастью.
Жизнь «дамы сердца» «до» и «после»
Рассечена стрелой амура.
Катись всё к черту, будь он послан,
Где миром правят «шуры-муры»!
Заведено умом не нашим,
Что двое вдруг нашли друг друга,
И стала «полной в доме чаша»,
Путём разомкнутого круга.
Так испокон веков сложилось,
И выше всякого пристрастия —
Сдаваясь возрасту на милость,
Вдруг дорожить минутой счастья.

Она помножена на опыт,
Разделена на смысл здравый.
Не говорил бы кто там что бы —
Любовь найдёт на нас управу.

Небо – из генералов

Небо – из генералов,
Честь ему отдаю.
На погоны упало
Звёзд в небесном раю..!

Небо – самая, самая..
Из возможных стихий!
Без приклеенных санов я
Отдаю ей стихи.

И взбираясь по россыпям
В самую глубину,
Щедро небу и досыта
Я себя отдаю.

Мемуар – на диктофон

Надиктовал метафорично
Свою обычность;
Придал возвышенной ей краски,
Как тот Веласкес;
Добавил нот от моды писка,
На звуке низком.
Осталось лишь весь этот фуфел
Загнать в сабвуфер.

Баскетболист

Что бы я не писал, будут скомканы строчки;
Хоть в письме по-другому «расставлены точки».
На секунду прикинешься баскетболистом,
А на новом листе окончательно чисто.
Я в корзине, на дне; ты с вершины безумства
Нет, не буквы бросаешь – помятые чувства.
Не реестр отложенных дел, не эпитет —
Сгруппирована лирика в скомканном виде.
Может, кто-то разглядит, прочтёт и заплачет —
У него, в своё время, всё было иначе.

Глупость и расчёт

Покуда глупость делом хлещет
Как логика – наоборот,
Замысловатый взгляд на вещи
И здравый смысл перешибёт.
Пока берутся ниоткуда
И выливаются в дела
Фантазии, как горб в верблюда,
Разумность будет не права.

Я не пою горбатым оду;
Нет, не об этом речь идёт;
Но глупость ветреного рода
Простительнее, чем расчёт.

Как-то так

«Сколько волка ни корми»,
Всё равно смотрю я в лес —
В человеческой любви
Намечается регресс.
Я отвечаю: «Дед Пихто» —
На вопрос.., теряя такт.
Не пеняй себе за то,
Что сложилось как-то так!
Мне рисуется – не суть..,
Кто остался в дураках...
Божий промысел лукав —
Может, встретимся в лесу.

Гватемальский умник

Я пишу стихи в стиле «трэш метал».
Кто-то скажет мне, от него далёкий:
– «За уши притянут» – зачем избрал?
Не найдёшь замену – «протянешь ноги».
И слезу, мол, им прошибить нельзя;
Но отвечу я, в приземлённом плане:
– У меня сосед, трёх знакомых зять,
Прочитав мой стих, был в печёнку ранен.
Так мне и сказал, гватемальский жук,
Сингапурский язь – на язык типун мне,
Что в печёнке я у него сижу,
Сингапурский, нет – гватемальский умник.

Моторика пальцев

На сиделищный контур не пялся,
От тебя ускользающий – это
Не любовь, а моторика пальцев,
На исходе двенадцати где-то!

Инстинкт лужи

Вечерееет. Дама в южном
Городке вопит: «Георгий,
Придержи инстинкт свой дружбы —
Не хватало мне тут оргий!
То, что я в роскошном теле,
Не про вашу честь – Ашота.
Кипарисы, видите ли,
Нашептали ему шота!
Ты других поменьше слушай,
Паче тем существ бездушных;
А не то инстинктом лужи
Окачу инстинкт твой дружбы!»

Истошно к истокам

Ждать от жизни как чуда
Что ни год, то с почином,
Лет минуло уж сто, как
Я в себе устаканил.
Как акула окутан
Сетью мелких морщинок,
Возвращаюсь к истокам —
К детству в тмутаракани.

Невзначай, ненароком,
По привычке красивой,
Хоть и планы наметил
Супер-пупер да мега,
Возвращаюсь к истокам —
Там я черпаю силы.
В том мечтающем шкете
Больше было стратега.

По орбите, по хорде —
Как капризам угодно.
Смерти около (о как!)
Память дыры обрящет.
Вряд ли выдадут орден
За внезапный уход, но..;

Но истошно к истокам
Прибегать мне всё чаще.

Добрый

Безжалостные пчёлы останутся без жал.
А ведь ещё со школы известен постулат:
Никто с потерей жала конца не избежал.
Поэтому я добрым остаться буду рад.

Объятия

Катит блик, в окне замявшись,
Апельсиновое солнце;
На тяжелый день сославшись,
Отдыхает на колодцах.
Виды осени истёрты.
Тишина неугомонна.
Словно в дружбу распростертый,
Клюв разинула ворона.
Подиумом луг избравши,
Деревца встряхнули платья.
В ночь сомкнулись днём вчерашним
Распростёртые объятия.

Отсебятинка

Надоели мне понятия,
Откажусь от них, пожалуй;
Захотелось отсебятины,
Да горячей, с пылу, жару.
Исковеркаю названия,
Раз пошла такая пьянка;
А начну с себя, заранее
Извиняясь в старых рамках.
Стану на слуху израненном
Анатолевичем Вовкой;
И гори всё синим пламенем,
Либо рыжим, как морковка!
Превращу себя в анчоуса,
Раз пошла такая пелядь...
Отсебятинки, под соусом,
Не хотите ли отведать?

Плечо весны

Я тебя не спрошу ни о чём,
Сам тебе обо всём расскажу —
Как весна «подставляет плечо»,
Расправляет как крылышки жук...
Ставя мрачные мысли на кон,
Тем сомнений зерно зароня,
Ты готова услышать о том,
Что лежит на поверхности дня?
Ты отбросишь сомненья, как пить...,
Что жара свой возводит костёл.
Не терять если фабулы нить —
На поверхности зелень растёт.
И крадя твои мысли, как вор,
Я предвижу, что, суть осознав,
Ты не сможешь понять одного —
Как плечо подставляет весна.

Квак

На пруду жила лягушка
И стучала в колотушку.
Люди думали, что так
Извлекают слово «квак».

Абы да кабы

Прихожу с работы я, тело – на диван.
Никого не трогаю – божий одуван.
«Разеваю варезку» – в мыслях иваси.
«Эй,» – кричу: «хозяйюшка, чаю принеси!»
Восемь как, без малого – абы да кабы,
Хоть «росинки маковой» не мешало бы.

Белый обертон

Я белый-белый снег;
пишите обо мне,
перечеркнув всё важное доселе!
И в городе большом
я первый костолом,
а пробки на дорогах – мой конвейер.
Я комбайнёр тепла —
Замёрзшие дотла
осваивают опытом сугробы.
Но есть расчёт на жизнь:
всего-то, не клянись
любить себя на улице до гроба!

Пусть кто-то запостит
мой белый этот стих,
пусть лайки наследят в нём по-собачьи —
что вертит их хвостом
мой белый обертон,
на первый взгляд лишь выглядит иначе.

Древо жизни

Экстрадиция из традиции
Насыщения кислородом
В одноразовой амуниции
Возлежит себе в стенах гроба.
И венок безыскусно втиснут...
И цветы без признаков запаха...
А орешник, тот древо жизни —
Ишь как за год, вон, как отмахал!

Весна эскизно лепит

Весна эскизно лепит
Широкими мазками
Ручьи да птичий лепет,
Да небо с облаками;
Но в краски больше масла,
Порою, добавляет.
А жизнь – она прекрасна,
Когда вокруг всё тает.
Растаяли вдруг лица
Воспрянувших прохожих.
Чтоб в мыслях оживиться,
И ты воспрянешь тоже.

Инвентаризация

Я с комиссией хожу
Инвентаризационной.
Подотчётны каждый жук
Нам и каждая ворона.
Я ищу, ядрёна мать,
Выпучив, как жаба, зеньки,
Чтоб в тетради прописать,
Инвентарные наклейки.
Коли цифру проглядел,
Не скажу – вписал иначе,
Наш слезами главный чел
Крокодиловыми плачет,
Да глядит как крокодил
На тебя янтарным глазом.
И тогда, что пропустил,
От балды припишешь сразу.
А потом при сверке вдруг
Происходят нестыковки.
Все тогда вопят вокруг:
«Это явно почерк Вовки!»
«Тут наклон сильнее в разы» —
Возбухаю как цистерна:
«Закорючка эта, зырь,
Для меня не характерна»...

Что заглядывал за день
...надцать раз под юбки дамам,
На меня не «бросишь тень» —
Нагибаюсь беспрестанно.

Акакий

Кудлатая нашлась,
И в этом было чудо.
Болонка приплелась
Голодная под утро;
Протиснулась в лабаз,
Что ветхо возвышался.
Здесь каждый, кто горазд,
Работе предавался.
Акакий мастерил
Из клёна табуретку,
А челюсти стропил
Свисали над разметкой.

Кудлатая башка
Смотрела виновато
Из грязного мешка
В лицо одутловатое.
Она была его
Последняя отрада,
Но первая любовь.
А больше и не надо.

Мэйд ин раша

Баба Глаша, мэйд ин Раша,
Ночью даже в поле пашет.
Внук Серёжа корчит рожу,
Что негоже ночью – тоже.
Сверху слышен голос Миши
(Чтоб он ниже рухнул с крыши):
– Дед Тирентий, сломан вентиль.
– Заибеньте в изолените!
Есть ведь Саня где-то в зале —
Вы там сами., я же занят!

Старый ворон, думок полон
(Вкратце, что не тётка голод),
Клюв свой точит на поклажу,
Солонину, мэйд ин Раша...

Отбивание от рук

Как устали, старый друг,
От тебя мы – нет уж силы!
Отбивание от рук
Пользы ведь не приносило
Никому и никогда —
Заблуждением ты болен.
Только лечит всё вода,
«Лексус» есть под боком коли.
Знаешь, старый рыбачок
Лучше новых двух: а значит,
Рюкзачок – через плечо
И рванули, порыбачим!

Безжалостные пчёлы

Безжалостные пчёлы останутся без жал.

Голубые глазки

Голубые глазки
С карими встречались.
Волосы сплетались
Тёмные и светлые.
Руки обнимались.
Губы целовались.
Было всё как в сказке.

Закрытая дверь. из 90-х

На звонок от соседей никто не открыл,
Был залеплен глазок пластилином.
После взлома... отец мертвеца отхватил
Первый в жизни инфаркт от картины:
На верёвке висел, как боксёрский мешок,
Его гордость, а мамина – прелесть.
Суицид, одним словом, повергший всех в шок.
Те, чьи «рыльца – в пушку», отвергались.
Был «на счётчик поставлен» он в школе своей,
Не смирившись. По-своему слишком...
Да не будет пусть в мире закрытых дверей
И записок, оставленных в книжках!

Коматозник

Это не обсуждается даже,
разве только рвануть на юга,
что рубашкой смирительной ляжет
белый снег и намнёт всем бока.
Натолкнувшись на плотную сырость
как сезонное свойство ума,
всё что сбудется, что уже сбылось,
серым свёртком запрячешь в туман.
В этом свёртке все планы и козни,
как медвежьи, проспят до весны.
Усеки себе, ты коматозник,
раздающий на сторону сны!

Бинокль

Не контактные линзы
пробегутся по кинзе,
да от неба откусят
одинокого гуся;
лоскуточки отхватят
от вязкого платья,
их забрав как улики
для контактной интриги.

Макулатура

Мы живём, будто дышим —
Незначай, мимоходом.
Отдаём углекислый...,
Хоть берём кислородом.
Начиная от детства,
В облицованных стенах
Через медиа-средства
Нас сжирает система.
Спёртым воздухом дышим,
Зависая в рунете.
В головах наших нищих
Лишь «валюта в конверте».
Отвечаем и пишем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.